Е. Г. Семёнова

Тверской государственный университет, 3 курс

Научный руководитель: к.ф.н., доцент Л.М. Сапожникова

НЕМЕЦКИЕ ФОЛЬКЛОРНЫЕ ИМЕНА КАК ЭТНОСПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОНИМЫ

Фольклорные имена – собственные имена (далее СИ), живущие в фольклоре определенного этноса и представляющие собой характерное проявление конкретной лингвокультуры, т.к. фольклор – это опыт и знание народа. Будучи пропитанными народным духом, такие СИ являются отражением культуры, породившей их, и, переходя из века в век в словесных текстах, как устных, так и письменных, несут в себе культурное богатство.

Фольклорные имена – это продукт взаимодействия конкретной культуры и вплетённого и переплетённого с ней языка, поэтому они чаще всего этноспецифичны. В зависимости от того, существует ли объект СИ в реальности или является результатом творчества и фантазии либо одного человека, либо всего народа, в ономастике различают реалионимы или мифонимы и фиктонимы, где под мифонимами понимаются «объекты, созданные фантазией людей» [Суперанская 1973: 145], а под фиктонимами – «объекты, созданные творчеством художника» [там же]. Таким образом, имена вымышленных объектов присваиваются или мифическим (античным, библейским, народным), или литературным героям, географическим объектам, существам. Такие объекты существуют только в созданной человеческой фантазией действительности.

Вымышленные СИ обладают богатой семантической структурой – они являются отражением национально-специфических знаний, представлений, соотносятся с культурным кодом нации, обладают конкретной коннотацией и вызывают у реципиента определённые ассоциации [Сапожникова 2015: 176]. Культурно маркированная информация может быть сосредоточена как в центральном (или ядерном) сегменте семантической структуры онима, так и в её периферийной зоне. Периферию семантического поля таких СИ составляют многочисленные детали исторического, географического и литературного характера, которые могут актуализироваться в речевой ситуации или тексте и играть немаловажную роль при функционировании имен в речи. Такие детали исходного ономастического объекта воплощают в себе черты материальной и духовной культуры конкретной лингвокультурной общности и несут на себе большую семантическую нагрузку. Следует отметить, что оценка таких деталей часто бывает не только объективной, но и субъективной.

Выступая в качестве языковых знаков, мифонимы являются по своим функциям бифункциональными: они могут не только идентифицировать и обозначать исходные объекты, но и характеризовать ситуативные [Сапожникова 2017: 47]. И хотя многие фиктивные онимы являются интернациональными СИ, т.е. они известны большинству людей независимо от их культурной принадлежности, существуют и этноспецифические мифонимы, известные в определённой лингвокультуре и обладающие аллюзивным потенциалом именно для носителей данной лингвокультуры. Они сложны для интерпретации представителями других культур, для расшифровки таких СИ необходимы знания этноспецифической мифологии, эпоса, былин, народных сказок и песен, литературы.

Объектом исследования в нашей работе являются мифонимы немецких народных и литературных сказок как этноспецифические онимы, формирующие в ряду других знаковых единиц национальную когнитивную базу немецкой лингвокультуры. Являясь древнейшей формой фиксации культурного наследия, сказка меняется вместе с окружающей народ действительностью, отражая её. В сказках через века проносится бесценный жизненный опыта нации, в них зафиксированы символы культуры, традиции, обычаи и мифы, именно из сказок мы можем почерпнуть мудрость определённого народа, узнать о его ценностях, характере.

Для анализа функционирования немецких фольклорных имен в современном немецком публицистическом дискурсе были отобраны примеры из корпусов текстов DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), а именно архивов Berliner Zeitung с 2000 по 2005 гг., Tagesspiegel с 2000 по 2005 гг., Die Zeit с 2000 по 2016 гг., а также архивов журналов Stern и Spiegel с 2000 по настоящее время.

На настоящий момент в корпусе исследования зафиксирован 21 контекст аллюзивного использования этноспецифических мифонимов фольклорного происхождения во вторичной номинативной функции:

**Количество текстовых примеров с СИ
во вторичной номинативной функции**

СИ	Кол-во примеров
Sandmann	3
Zappelphilipp	5

Zwerg Nase	3
Rübezahl	4
Struwelpeter	3
Suppenkaspar	3

Аллюзивный потенциал этноспецифических СИ в данных примерах может отсылать реципиента в публицистическом контексте, как к центральной, так и периферийной зонам семантической структуры базового имени.

Одним из примеров, содержащих отсылку к центральной зоне семантики СИ, служит контекст с онимом *Зандманн* (*Sandmann* или *Sandmännchen*) – букв. песочный человек – маленький человечек, который приходит по вечерам к детям и сыплет им песок в глаза, чтобы те засыпали, известен немцам с детства из народных сказок. Следует отметить, что в образе данного СИ соединяются два варианта народных сказаний: 1) песочный человек, сыплющий детям в глаза песок, отчего глаза слипаются и 2) песочный человек как старинное чудовище – персонаж кукольного театра, где он является олицетворением вытесняемых из сознания страхов, снов, желаний и фантазий.

Так в примере из газеты «Die Zeit» речь идёт о специальном медицинском учреждении, в котором медработникам приписывается автором статьи функция песочного человека, поскольку они усыпляют пациентов словно песком специальными лекарственными средствами: «*Wenn die Patienten schwierig werden, scheiden die rein ethisch Motivierten meist rasch aus. / Die Sandmanns bekommen für die Pflege vom LVR monatlich 600 Mark, außerdem 1042 Mark für Kost, Logis und andere Aufwendungen*» - Die Zeit, 09.03.2000, Nr. 11, где LVR – Landschaftsverband Rheinland – краевой союз на территории земли Северной Рейн-Вестфалии, крупнейший поставщик медицинских услуг.

Ономастическая метафора создаёт в данном контексте эмоционально-насыщенную образность высказывания, апеллируя к фоновым знаниям человека, связанным с культурно маркированной информацией фольклорного имени. Здесь затрагивается ядерная семантика имени, образно переосмысливается функция Песочного человека, что вызывает особый стилистический эффект.

Основываясь на сходстве семантических структур, ономастическая метафора может отождествлять ситуативный объект с ономастическим образом. При этом «исходная референциальная связь СИ сохраняется как

образная основа ономастической метафоры» [Сапожникова 2014: 105]. Это можно проследить на примере того, как яркий образ персонажа Генриха Гофмана из произведения «Степка-растрепка» (Heinrich Hoffmann-Donner “Struwwelpeter”) *Цапелль-Филипп (Zappelphilipp)* превратился в метафорическое обозначение синдрома дефицита внимания у гиперактивных детей – «синдром Цапелль-Филиппа» (das Zappelphilipp-Syndrom): «*In den USA bekommen mehrere Millionen Kinder, vor allem Jungen, das Medikament Ritalin. Es soll **Zappelphilippe** beruhigen*» - DerTagesspiegel, 04.06.2002.

Здесь отсылка идёт к непоседливому ребёнку из произведения Гофмана, где немецкий глагол “*zappeln*” означает «беспокойно вертеться, дергаться, делать нервные движения, метаться туда-сюда», а компонент – *philipp* соотносится с обозначением ребёнка. Интересно, что данный оним используется в современном немецком языке также в качестве нарицательного имени для непоседливого, нетерпеливого, беспокойного и нервного ребёнка.

Нами отмечены и такие примеры, в которых актуальный метафорический смысл ономастической метафоры может быть лишь косвенно связан с исходным контекстом и его деталями. В этом случае толкование метафоры в значительной степени зависит от информативной осведомленности реципиента и его субъективной оценки базового онима. В следующем примере видно, что аллюзия к исходному фольклорному имени может интерпретироваться по-разному, в зависимости от того, какие качества и черты характера ассоциируются у читателя с *Карликом-Носом (Zwerg Nase)*, героем одноименной литературной сказки Вильгельма Гауфа (Wilhelm Hauff), какие линии сюжета сохранились в его памяти: «*Vielleicht ist es das, was den Stürmer Neuville so gefährlich macht. Er ist der **Zwerg Nase** im deutschen Fußball. Er ist 1,71 Meter groß und wiegt nur wenig über 60 Kilo, aber er riecht, wo der Ball als Nächstes hinkommt, und wenn der Ball dann kommt, ist der schnelle Neuville schon da*» - Berliner Zeitung, 17.06.2002. Здесь может скрываться намёк на то, что по сравнению с другими футбольными игроками Оливер Нойвилль хоть и маленького роста, но очень ловок, как Карлик-Нос на службе у короля на кухне. Непосредственная отсылка к внешности героя сказки – карлика с длинным носом до самого подбородка, без шеи и с горбом – маловероятна.

Напротив, в примерах использования этноспецифического образа *Рюбецаля (Rübezahl)* – горного духа Исполиновых гор, персонажа народных преданий в Германии (а также в Чехии и Словакии) – преобладает отсылка к внешнему облику героя: 1) «*Mit dem bärtigen, dick bebrillten **Rübezahl**, der er einst war, hat er keine Ähnlichkeit mehr*» - Die Zeit, 22.11.2001, Nr. 48; 2) «*Er war ja noch nicht alt, auch wenn er so aussah mit den schlohweißen Haaren und dem langen **Rübezahl-Bar***» - Der Spiegel Wissen, 30.10.2012. Для носителей когнитивной базы немецкого языка

аллюзия понятна, т.к. немцам известно, что Рюбецаль – большой великан с косматой бородой, который может принимать обличия как одушевлённых, так и неодушевлённых предметов (старого охотника, угольщика, монаха, животного, дерева, скалы) и подшучивать над людьми.

Именем данного фольклорного персонажа на самом деле является его насмешливое прозвище, восходящее к первой легенде сборника “Народные сказки немцев” (Volksmärchen der Deutschen) - “Erste Legende: Wie Rübezahl zu seinem Namen kam”. В предании духа обхитрила принцесса Эмма, на которой он намеревался жениться, заставив его прежде пересчитать всю репу в поле, и пока дух считал корнеплоды, принцесса исчезла. Потешаясь над этой историей люди стали называть его Rübenzähler (кратко Rübezahl - т.е. тот, кто репу считает – “der die Rüben zählt”).

Ссылаясь в своих примерах на внешность персонажа, авторы придали своим текстам особую выразительность. Им удалось создать ономастическую метафору, в основе которой лежит субъективная эмоциональная оценка ситуативных объектов именованя.

Ономастическую метафору находим и в следующем контексте, основанном на скрытом сравнении Карла Шиллера, министра экономики и финансов Германии, которого часто называли суперминистром, с другим героем, персонажем литературной сказки *Штруввельпетером*: «Schiller werde zu dem Feuerkopf, als den ihn der Spiegel kürzlich auf seinem Titelbild porträtierte: ein **Struwwelpeter** des Idealismus» - Berliner Zeitung, 16.03.2005, где Штруввельпетер (*Struwwelpeter*), чьё имя дословно переводится как “лохматый, растрепанный Петер”, – ребёнок с нерасчёсанными волосами и нестриженными ногтями послужил образом для карикатурного изображения министра финансов на титульной странице журнала «Шпигель». Исходный оним встречаем в одноимённой детской книжке Генриха Гофмана (Heinrich Hoffmann-Donner) “*Struwwelpeter*”, написанной им для своего сына.

Активировать культурно значимые дифференциальные признаки в семантической структуре онима может также ономастическое сравнение, т.к. при ономастическом сравнении ядерная семантика СИ сохраняется, т.е. сохраняется его исходная референциальная связь. В качестве ономастического образа для сравнения выступает обычно референт того же предметного класса, как, например, в следующем контексте из статьи: «Kann das Vertrauen wieder hergestellt werden, wenn allenthalben das Dioxin aus dem Essen tropft? Vom Auftritt Aigners hängt es ab, ob die Nation sich auch künftig die Bäuche vollschlagen will – oder ob wir, verunsichert durch Gift im Ei und Gift im Schwein, dem Nahrungsverzicht verfallen und so immer weniger und weniger werden, bis nichts mehr bleibt, ganz wie beim **Suppenkaspar**» - Spiegel ONLINE 21.01.2011. Здесь люди, которые вынуждены отказываться от еды из-за химических добавок в ней, сопоставляются с персонажем

Гофмана из «Степки-растрепки» *Zuppen-Kasperm* (*Suppenkaspar*), который в свою очередь также отказался от еды и умер на пятый день.

Таким образом, этноспецифические мифонимы, являясь яркими культурно маркированными ономастическими образами, неотделимы от создавшего их культурно-исторического контекста. Сравнительные и метафорические высказывания с такими СИ представляют собой феномен взаимодействия языка, мышления и культуры [Сапожникова 2015: 180], поэтому их адекватная интерпретация может представлять определённую сложность для членов другого языкового сообщества. Так для полноценной коммуникации с членами другой лингвокультуры необходимо владение когнитивной базой конкретной культуры в достаточной степени.

ЛИТЕРАТУРА

Сапожникова Л.М. Актуальные проблемы ономастики: учеб. пособие – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2017. – 120 с.

Сапожникова Л. М. Метафоричность ономастического сравнения и сравнительность ономастической метафоры // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». – 2014. – № 4. – С. 100–107.

Сапожникова Л. М. Национально-культурный компонент в семантической структуре монореферентных собственных имен (на материале немецкого языка) // Вопросы ономастики. – 2015. – № 1 (18). – С. 175–185.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 368 с.